

Преодолев Горы Наньлин, императорская армия остановилась у заставы Шаогуань. Теперь на пути к Юэчжоу, столице государства Цюннань, больше не оставалось серьезных преград. Авангард, разделившись на два отряда, стремительно продвигался вглубь вражеских земель, пока Бэйчэнь Цин и другие военачальники держались позади, координируя наступление.

Когда гонцы доставили радостную весть в столицу, император Ян Си не скрывал своего ликования и тотчас повелел наградить Бэйчэнь Цина. Имени Ян Е в указе не значилось, однако предназначенные ему дары были бережно упакованы в двойном размере. Доставку столь деликатного груза государь доверил самому надежному и проникательному человеку — Вэй Линьсяню. Приняв полномочия императорского посланника, тот вместе с Чжунли Чжэнем и Нянь Вэем отправился в долгий путь за тысячи ли.

Ян Е не осмеливался принять ни единого дара от императора, всерьез опасаясь, что Лин Шу из-за этого окончательно с ним рассорится. Единственное, что он себе позволил — вволю угоститься на пиру, устроенном в честь приезда Вэй Линьсяня. Бэйчэнь Цину пришлось взять заботы на себя и спрятать предназначенное князю золото до лучших времен.

Посреди пиршества Ян Е все же не утерпел и, улучив минуту, тихо спросил у Вэй Линьсяня:

— Как поживает мой венценосный брат? Не слишком ли он утомляется?

Вэй Линьсянь покосился на него и со вздохом ответил:

— Править такой огромной Поднебесной — шутка ли? У Его Величества уже виски побелели. Отрадно, что Ваше Высочество все еще помнит о нем. Сам он тоже, должно быть, тоскует по вам, да только гордость не позволяет признаться. Стоит выдаться свободной минутке, он подолгу смотрит на юг, погрузившись в думы. Сердце кровью обливается, когда видишь его таким одиноким.

Ян Е почувствовал горький укол тоски и на мгновение лишился дара речи. Лишь спустя минуту он заставил себя сменить тему:

— А как поживает новорожденный принц? Слышал, его зовут Фу-эр. Наверное, растет настоящим красавцем?

— И впрямь прелестный ребенок, — согласился Вэй Линьсянь. — Вы ведь знаете, что наследный принц пошел лицом в Его Величество, а этот малыш уродился копией матушки-императрицы. Из-за него-то у государя с супругой и вышла размолвка. Говорят, перед свадьбой они заключили уговор, согласно которому второму принцу надлежит принять фамилию рода Цэнь. Верно?

Ян Е кивнул:

— Было такое. Неужели мой брат передумал? Хотя тот уговор и был вынужденной мерой, где это видано, чтобы императорский сын носил чужую фамилию? Пускай просто откажется от прежних обещаний, да и дело с концом.

— Какое там «откажется»! — вздохнул Вэй Линьсянь. — Его Величество слишком дорожит честью, так что второму принцу действительно дали фамилию Цэнь. Но беда не приходит одна. Старый князь Цэнь, едва прознав об этом, тотчас прислал в Лоян доверенных людей. Судя по их намекам, они твердо вознамерились забрать мальчика в Чанъань и воспитывать там. Подумайте сами: ребенок совсем крошечный, да и наследников у государя раз-два и обчелся. Как он может отдать собственную плоть и кровь? Из-за этого императрица устроила во дворце настоящий бунт. Когда я отправлялся в путь, они все еще держали обиду и не разговаривали друг с другом. Но если бы только это! На севере тоже неспокойно. Генерал Юань насмерть стоит у Трех застав, сдерживая набеги государства Сицзя, так этот проныра Цзинь Яжэнь всю трясет прежним мирным договором и требует то одно, то другое. Его Величество хотел отправить к нему посла для новых переговоров, да только достойного мужа до сих пор сыскать не может. Сплошная головная боль!

— А как же помощник министра Цзин? — удивился Ян Е. — Разве он не может поехать?

Вэй Линьсянь заговорщически понизил голос:

— Прежний договор как раз помощник министра Цзин и подписывал. Кто знает, какие грязные дела там замешаны? Сам он ехать наотрез отказывается, да и Его Величество не горит желанием доверять ему это дело снова. Вот все и застопорилось. Император трудится не покладая рук, а ни одна из жен во дворце даже не подумает о нем позаботиться. На государя больно смотреть — стареет прямо на глазах. Недавно еще и сильный озноб подхватил, целых полмесяца с постели не вставал. Эх, кругом одни заботы, и в семье, и на границах. Тяжело быть простым смертным, а хорошим государем — тяжелее во сто крат!

Тоскливо стало на душе у Ян Е, и кусок не лез ему в горло. Он молча опустил чарку с вином на стол и долго не мог вымолвить ни слова.

Вэй Линьсянь украдкой понаблюдал за ним и, заметив неподдельную печаль на его лице, поспешил сменить тон:

— Ну все, довольно о грустном! Я ведь никак не ожидал встретить Ваше Высочество здесь, у Юньци, вот с языка и сорвалось лишнее от волнения. Завтра я устрою отдельный пир специально для вас, тогда и разопьем кувшин-другой за душевной беседой!

Вэй Линьсянь задержался в лагере на целую неделю, но по какой-то причине упорно молчал о возвращении в столицу. Поначалу он лишь коротал дни за чаркой вина да праздными разговорами с Ян Е, но вскоре страсть к азартным играм взяла свое. Не в силах больше терпеть, он решил устроить тайный притон прямо в собственном шатре. Подобное увлечение грубо нарушало воинский устав, поэтому от Бэйчэнь Цина его следовало скрыть любой ценой. Опасаясь огласки, Вэй Линьсянь не стал говорить даже Ян Е, а потихоньку позвал троих братьев Ма составить компанию.

Однако Ян Е был из тех людей, кто мимо подобных развлечений ни за что не пройдет — он почуял неладное, словно кот, учуявший рыбу. Едва приблизившись к шатру, он расслышал доносившийся изнутри залиvistый хохот, бесшумно скользнул поближе и уловил голос Вэй Линьсяня:

— Послушайте, и что наш князь, такой видный мужчина, нашел в этом угрюмом палаче? Бьюсь об заклад, они и года вместе не протянут. Этот упрямец твердолоб как баран, а наш молодой князь столь ветрен... Рано или поздно он от него устанет, вот тогда-то они и разойдутся как в море корабли!

Затем раздался нерешительный голос Нянь Вэй:

— Да ну, не может быть. Наш князь на сей раз, кажется, настроен серьезно. Он впервые за долгое время по-настоящему влюбился, так что не болтай ерунды, Вэй Линьсянь.

Вэй Линьсянь с громким стуком хлопнул ладонью по столу:

— А спорим? Ставлю сто лан серебра!

Нянь Вэй все еще колебался, но Чжунли Чжэнь тут же встрял:

— Я принимаю вызов! Не верю, что наш князь снова бросит своего избранника. Только сто лан — это курам на смех, ставлю двести!

Вэй Линьсянь усмехнулся:

— Ма Тяньбао, а вы трое на кого ставить будете?

— Его Величество всегда хвалит твою сообразительность, — отозвался Ма Тяньбао. — Так что мы, конечно, с тобой.

— Тогда мне... мне придется поддержать Чжунли, не оставлять же его одного, — промямлил Нянь Вэй. — К тому же мне и впрямь кажется, что наш князь в этот раз не шутит...

Он все еще топтался на месте, когда Ян Е, потеряв терпение, резко откинул полог шатра и шагнул внутрь:

— Нянь Вэй! Ты что, совсем во меня не веришь? Держи пари, если проиграешь — я все оплачу!

Все присутствующие так и замерли с разинутыми ртами. Вэй Линьсянь опомнился первым и торопливо заискивающе улыбнулся:

— О, Ваше Высочество! Мы же просто шутим, разве посмеем мы ставить на вас по-настоящему? Да даже если бы и поспорили, проиграл бы наверняка я. Хе-хе-хе...

Ян Е одарил его сердитым взглядом:

— Даже не надейся, в этот раз я его ни за что не брошу! Так что выбрось эти глупости из головы!

С этими словами он картинно взмахнул широкими рукавами и уселся у стола. Нянь Вэй бросился прислуживать, Чжунли Чжэнь поспешил наполнить его чарку вином, а Ма Тяньхуа

придвинул поближе блюдо с закусками.

— Да-да, конечно! — торопливо закивал Вэй Линьсянь. — Наш князь — самый верный и преданный возлюбленный на свете. Это просто прежние глупцы не умели расставаться красиво и все время набивались в друзья, хотя вам до них и дела не было, верно? Вот взять хотя бы хозяина Се из Школы Цветоводства. После вашего отъезда он несколько раз приходил к вашему поместью, да так и ушел ни с чем. До сих пор, небось, изнывает от тоски!

Ян Е лишь закатил глаза, проигнорировав колкость, а на его губах заиграла едва заметная холодная усмешка. Ма Тяньбао, не отличавшийся особой чуткостью, простодушно подался вперед:

— Князь, а господин Лин ведь намного лучше хозяина Се, верно?

Ян Е хмыкнул:

— Да не то чтобы очень.

— И в чем же, по-вашему, господин Лин превосходит хозяина Се? — набравшись смелости, спросил Нянь Вэй.

Ян Е на мгновение задумался, нахмутив брови:

— Если положить руку на сердце, то разве что в боевых искусствах он посильнее будет. В остальном же... лицом он хозяину Се точно уступает, да и характер у него скверный. Что касается прочих талантов, то Се Ляньфан, говорят, искусен и в игре на цине, и в шахматах, и в каллиграфии с поэзией. А что умеет Лин Шу? Пытать подозреваемых, сдирать кожу, ломать кости да убивать — тут ему равных нет. Да еще протыкать плоть каленым железом — в этом он весьма изобретателен. Эх, их просто невозможно сравнивать. Сам не знаю, как меня угораздило в него влюбиться. Должно быть, бес попутал.

Вэй Линьсянь высунулся из-за его плеча, весь так и сияя от любопытства:

— Ладно, оставим это. А как насчет *этого*? Ну, вы понимаете... Как он в постели?

— В каком еще «этом»?

— Ну, в том самом... понимаете...

Заметив его замешательство, Ян Е наконец сообразил:

— А, ты про постельные утехи?

Остальные хоть и смутились немного, но, видя абсолютное хладнокровие князя, мигом отбросили стыд и придвинулись ближе, плотным кольцом окружив Ян Е.

Ян Е подпер щеку ладонью и, заговорщически прищурившись, протянул:

— Если говорить о постели, то хозяин Се, будучи выходцем из заведений для утех, превосходно изучил «Восемнадцать приёмов юношеской любви». Все эти позы вроде «Гуаньинь на лотосе», «старого дерева, переплетающего корни», «драконьего броска и тигриного шага» или «прильнувшей цикады и схватки обезьян» — он владеет ими в совершенстве. Настоящий мастер своего дела, способный выдержать любую бурю. Впрочем, со мной ему все равно оставалось лишь быть снизу. А вот Лин Шу... Ох, тут совсем другая история...

Он замялся, подбирая слова, и лишь сокрушенно причмокнул губами. Вэй Линьсянь тут же подтолкнул его:

— Ну и каков же он? Не томите, Ваше Высочество, рассказывайте!

— Совершенно не обучен манерам, — вздохнул Ян Е, — да к тому же дик и строптив, так что я и пикнуть лишний раз боюсь. Когда мы наедине, ни о каких изысках и речи быть не может. Напротив, мне приходится быть предельно осторожным, чтобы, не дай бог, не обидеть его. Сами понимаете, в такие моменты порой теряешь голову от страсти. Стоит мне чуть поспешить или проявить настойчивость, как он тут же без церемоний заявляет: «А ну пошел вон!». А если я наберусь терпения и выложусь без остатка, он либо просто засыпает без сил, либо тихонько постанывает — большего от него не дождешься. Эх...

Он испустил глубокий, исполненный вселенской скорби вздох.

Слушатели дружно вздохнули вслед за ним. Подумать только: признанный повеса, крутивший мужчинами как хотел, в итоге нашел свою погибель на столь тернистом пути. Им оставалось лишь искренне соболезновать его горькой доле.

Заметив их сочувственные взгляды, Ян Е поспешил добавить:

— Но как бы там ни было, я его не брошу. Никогда в жизни. Буду приучать его постепенно, шаг за шагом. А если он так ничему и не научится — что ж, смирюсь. Видно, такова моя судьба — мучиться от любви. Ничего не поделаешь!

— И то правда, — закивали воины. — Ваше Высочество переносит великие невзгоды. Столько терпения ради любви!

— Да ладно вам, это мелочи, — отмахнулся Ян Е. — Как говорили древние, «когда Небо возлагает на человека великую миссию, оно прежде утомляет его разум и изнуряет плоть». Очевидно, умение угождать строптивому возлюбленному тоже входит в этот перечень испытаний.

Вэй Линьсянь пододвинулся ближе и вкрадчиво прошептал:

— Наша столица — место благословенное, полное редких талантов. Да и к мужской любви там относятся куда снисходительнее. Вашему Высочеству стоит забрать заместителя судьи Лина с собой в Лоян. Уж хозяин Се быстро научит его уму-разуму, глядишь, тот и пойдет навстречу.

Ян Е загадочно прищурился, обмакнул палец в остывший чай и легким щелчком отправил брызги прямо в лицо Вэй Линьсяню. Тот опешил, а князь тихо рассмеялся:

— Если хочешь заманить меня обратно в столицу, так и скажи. Но предлог ты выбрал из рук вон плохой.

— Да что вы, Ваше Высочество... У меня и в мыслях того не было... — поспешно забормотал Вэй Линьсянь.

— Ах, не было? — хмыкнул Ян Е. — Значит, ты торчишь здесь вторую неделю ради чего-то другого? Положим, я соглашусь и заберу его с собой. Но если вы там, повинувшись тайному приказу моего императорского брата, устроите на него покушение, ради чего я проделаю этот путь в тысячи ли? Чтобы своими руками отдать его на заклятие?

— Покушение? Да ни в жизни! — замахал руками Вэй Линьсянь. — Перед отъездом Его Величество лично приказал мне передать: если Ваше Высочество согласится вернуться, все старые обиды будут забыты. И это в полной мере касается господина Лина! Вот, взгляните, князь, у меня с собой секретный указ. Стоит вам принять его, как моя миссия будет выполнена.

Ян Е отодвинул протянутый свиток и с наигранным изумлением спросил:

— Ого? Откуда же Его Величество прознал, что я здесь? Разве ты, едва прибыв, не божился, будто и представить не мог встретить меня в лагере у Юньци?

Вэй Линьсянь неловко улыбнулся:

— Пощадите, Ваше Высочество, не измывайтесь над скромным слугой! Соглашайтесь скорее, поедem в столицу, иначе мне дома не сносить головы за проваленное поручение. К тому же дела с Сицзя все еще не улажены, а там на кону огромные деньги, шелка и припасы. Его Величество никому другому этот вопрос доверить не может, извелся весь!

Он принялся жалобно канючить, одновременно отчаянно подмигивая Чжунли Чжэню и Нянь Вэю. Те мигом смекнули, в чем дело, обступили Ян Е с двух сторон и принялись хором уговаривать князя.

Ян Е лишь снисходительно улыбался, оставаясь непреклонным. Когда их расспросы ему окончательно надоели, он отрезал:

— Я дал слово Юньци, что уеду отсюда только после того, как мы покорим Цюннань. Не заставляйте меня нарушать обещание. К тому же теперь я делю кров с другим человеком, и мне нужно сперва обсудить это с ним.

Ян Е искусно уклонялся от прямого ответа, однако, вернувшись к себе, заговаривать с Лин Шу не торопился. Он прекрасно знал упрямый нрав возлюбленного: тот ни за что не согласится возвращаться в Лоян. Пытаться переубедить его сейчас означало лишь напросьиться на холодную отповедь.

На следующий день все повторилось: Ян Е снова кутил в компании Вэй Линьсяня и гвардейцев. Радость от долгожданной встречи с верными слугами была столь велика, что он возвращался в собственный шатер глубоко за полночь. Лин Шу по природе своей легко переносил одиночество, поэтому, пока Ян Е развлекался, он молча коротал вечера у себя, ни единым словом не попрекая ветреного князя.

Вэй Линьсянь еще несколько раз пытался завести разговор о возвращении в Лоян, но Ян Е каждый раз увиливал, не зная, как подступиться к этой теме, и попросту тянул время. В конце концов, потеряв надежду, посланник обратился за помощью к Бэйчэнь Цину, и тот лично пришел поговорить с другом.

Пренебречь просьбой Бэйчэнь Цина было невозможно, и Ян Е наконец принял решение. Он выдвинул императору два жестких условия, которые велел Вэй Линьсяню немедленно отправить в столицу. Во-первых, ни при каких обстоятельствах не причинять вреда Лин Шу. Во-вторых, навсегда оставить попытки женить князя или навязать ему наложниц. Что же касается восстановления Лин Шу в должности левого заместителя судьи Верховного суда, то об этом Ян Е даже не заикнулся — он прекрасно понимал, что возлюбленному эта чиновничья суета даром не сдалась.

Обсудив все с Вэй Линьсянем, Бэйчэнь Цин распорядился отправить срочное послание императору с самым быстрым гонцом. Теперь им оставалось лишь ждать ответа из столицы.

И вот долгожданное письмо прибыло: император без малейших колебаний согласился на все условия. Не помня себя от радости, Ян Е непривычно рано вернулся в свой шатер. Войдя, он застал Лин Шу у стола. Тот, сосредоточенно нахмурившись, при тусклом свете свечи увлеченно читал какую-то книгу в сине-зеленом кожаном переплете.

— Ты что, прихватил с собой приходные книги из Таверны Провожающей Весны? — удивился Ян Е. — Куда бы мы ни поехали, ты никак не можешь расстаться со своими жалкими расчетами?

— Нет, — отозвался Лин Шу. — Это другое.

Ян Е подошел ближе и заглянул через плечо:

— Дай-ка посмотрю, что там у тебя?

Лин Шу уклоняться не стал, а лишь приподнял книгу, показывая обложку. На ней красовались пять четко выведенных иероглифов: «Восемнадцать приёмов юношеской любви».